

Забрав мозг Клэр, я дезинтегрировал остатки ее тела, после чего подошел к краю площади, где спрятал свои сумки.

Засунув мозг Клэр в сумку, я проверил голокарту на своей перчатке, заметив новое присутствие, замеченное беспилотным летательным аппаратом.

Активировав камеру, я обнаружил, что сверху на меня смотрит растерянный Натан, а потом по его точеным щекам скатилась слеза, и он начал набирать высоту.

О-о-о.

Похоже, кто-то пытается применить тактику космического стержня-камикадзе.

Не в мою смену.

Повернув пушку к нему, я обстрелял его траекторию, разделив его на приманку для рыбы, уходя за пределы досягаемости кровавого дождя, который должен был последовать за ним, когда он упадет с неба.

Затем, с расстояния, я сжег его труп, или, по крайней мере, куски, которые составляли его труп.

Я вернулся в поместье Петрелли, намереваясь закончить работу.

Дрон следовал за мной, оставляя за собой красное пятно.

Войдя в комнату детей, я посмотрел на них сверху вниз, включив лазеры.

Они спали близко, обнявшись друг с другом, достаточно было одного выстрела.

И все же я не мог заставить себя сделать это.

Они были, как бы мне ни было неприятно это признавать, невиновны. Они не причиняли мне зла. Они не представляют угрозы.

Даже в сериале они были двумя персонажами, которые были по-настоящему хорошими, добрыми и просто милыми.

Неужели теперь, когда Сайлер мертв, я должен идти против своих принципов? Теперь, когда у меня есть еще четыре месяца, чтобы подготовиться к финальному противостоянию? 12

Я на мгновение заколебался, опьяненный своей победой.

Нет. Я могу быть жестоким и эгоистичным. Но если борьба с клоном меня чему-то и научила, так это тому, что я не хочу становиться безвольным монстром.

Такие выходят из-под контроля и в итоге погибают, ослепленные собственной злобой.

Я глубоко вздохнул, отключая лазеры, и вышел обратно, теперь уже решительно.

У меня еще есть время. Я могу сделать это.

Фу!

выдохнул я.

Да. Артур Петрелли все еще в коме.

Мне не нужно их убивать. Всегда есть будущее. Если понадобится, я просто убью их тогда.

Закрыв дверь, я пошел вниз, собираясь убить Анжелу, как вдруг включился свет.

— Ты ведь не убил их? — Анжела Петрелли стояла у лестницы с револьвером в руке.

— Нет, — ответил я, обходя ее и проходя в гостиную, не обращая внимания на револьвер в ее руке.

— Значит, у вас есть сердце под этим холодным взглядом, она грустно улыбнулась, содрогнувшись.

— Не принимайте мои принципы за кровоточащее сердце. Вы можете пожалеть об этом, — уточнил я.

— Если вы могли их простить, зачем было убивать их обоих?! Моих сыновей! Почему только их?! — она заплакала, беззвучные слезы бежали из ее глаз.

Но пистолет она не подняла.

Она знала. Ей просто нужно было, чтобы я это сказал.

— Ты знаешь, не так ли? Вы позволили миллионам погибнуть в Питере, прекрасно зная, что за этим последует. Ты знал и добровольно обрек этих людей на смерть. Все ради иллюзорного высшего блага.

Но в конце концов все, чего вы хотели, - это власть. Ваш сын на троне Нью-Йорка, вставший на президентский путь. Удерживая власть, которую вы уже имели, и жадно хватаясь за новую, не заботясь о том, что вам придется взорвать миллион или около того людей, живущих здесь.

— Я совершенно такой же. Я хочу власти. Твои сыновья мешали тебе, — я сказал, что не буду мешать, и сел за обеденный стол.

Она смотрела на меня с ненавистью в глазах, но пистолет не поднимала.

— Это я во всем виновата, — она всхлипнула, разрыдалась, крепко сжимая револьвер.

— Я должна была остановить их. Много лет назад я должна была высказаться.

— Как все могло пойти не так?!

— В конце концов, это все и заканчивается, не так ли? Сожаления. Сожаление о том, что ты сделал. И еще сожаление о том, чего не сделал. Вот почему я хочу жить свободно, без сожалений. И для этого, к сожалению, ты должна умереть, Анжела, — я сказал, направив на нее дрон.

— Я бы сказала, что мне жаль, но это было бы ложью. Я могу быть жестокой и эгоистичной, но, по крайней мере, я ценю свободу, как свою, так и других. Вы не сделали ни того, ни другого. Не говоря уже о том, что ты даже не смогла убить своего мужа!

— Моего мужа?! Он жив? — спросила она с удивлением и страхом.

— Да. Он уже выздоравливает. Через четыре месяца он будет на ногах и готов к работе. Честно говоря, именно поэтому мне пришлось убить ваших сыновей. Я не могу позволить ему получить их силы. Он и так уже слишком силен, — я рассмеялся.

— Это очень плохие новости! — пробормотала она, содрогаясь.

— Что? Ты серьезно боишься больше...

Анжела задрожала, ее глаза остекленели.

Бах!

Она поднесла револьвер к голове и нажала на курок, выстрел эхом разнесся по городу.

От выстрела у меня зазвенело в ушах, на мгновение закружилась голова.

Черт!

Ублюдок наложил на нее заклятие.

Черт!

По позвоночнику пробежал холодок, отрезвляя меня.

Принципы? Монстр?

О чем я только думал?

Какого черта я недооценивал: — Всех на свете?

Конечно, он наложил предсмертную печать на собственную жену.

Нет. Дети должны умереть. Я не могу так рисковать!

Я обернулся на звуки шагов, спускающихся по лестнице.

Дети, проснувшиеся от звука, побежали вниз по ступенькам, наткнувшись на кровавую сцену.

Проницательный Михей тут же закрыл глаза Молли руками, не давая ей увидеть кровавую расправу, и она вопросительно посмотрела на меня.

Я сделал испуганное лицо и посмотрел на него, качая головой и указывая на ее руки.

Майка поняла смысл, и он вздохнул с облегчением.

— Нам нужно уходить отсюда, — я подчеркнула: — Сейчас же. Оденьтесь оба.

Майка кивнула, взяв свое пальто, и я вывел их через портал в Небраску, поджег дом и закрыл портал за нами.

Вдалеке виднелась дорога, ведущая в город, огни сверкали на фоне снежной бури.

Настало время.

Я повернулся лицом к детям, которые с ожиданием смотрели на меня, единственного взрослого в округе.

— Посмотрите туда, — сказал я, указывая на далекие огни: — Там город. Прежде чем задавать вопросы, давайте уберемся куда-нибудь в тепло и укроемся от бури, хорошо?

Майка понимающе кивнула, а Молли безропотно повиновалась, повернувшись ко мне спиной, и они начали идти.

Не успели они сделать и шага в мою сторону, как я их испепелил.

Глядя на их обугленные трупы, прислонившиеся друг к другу, я ничего не почувствовал. Как обычно.

Только яму в желудке и дыру в холодном, мертвом сердце.

Мне действительно стоит прислушаться к себе.

Принципы - слабое место в мультивселенной. Выживают только сильные.

Сделав очередной залп, я с облегчением вздохнул, превратив в пепел то, что осталось от детей.

Смахнув все следы костра, я засыпал его снегом и начал долгий путь в город, один и достаточно напуганный.

При этом я почти непроизвольно хихикнул.

Не рисковать. пробормотал я, успокаивая себя.

Не рисковать.

<http://tl.rulate.ru/book/69529/3357520>